

УДК 82

«СКИФСКИЙ СЮЖЕТ» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2011 г.

И.Л. Бражников

Московский государственный педагогический университет

librazhnikov@mail.ru

Поступила в редакцию 04.09.2010

Рассматривается «скифский сюжет» русской культуры как самостоятельный и даже магистральный. В определенном контексте «скиф» оказывается синонимом «русского» вообще. Скифы и их культурные варианты – цыгане и казаки – становятся не этнографической экзотикой, а наиболее полным выражением самой сущности русского народа.

Ключевые слова: скифы, скифский сюжет, «естественный народ», народность, номадизм, историософия.

Русские скифы

Знаменитое патетическое восклицание Александра Блока *«Да, скифы мы! Да, азиаты мы!»* по тону своему очень похоже на ответную реплику в азартном споре. И это двойное «да» – словно ответ на какой-то очень известный, давно заданный вопрос. Не вызывает сомнений, что здесь идет речь о вековом (а скорее, и многовековом) споре о цивилизационной идентичности – ведь блоковское «мы» здесь относится именно к русскому миру, или «славяно-русскому культурно-историческому типу», по Данилевскому. Логично также предположить, что воображаемый спор поэт ведёт с европейской традицией восприятия русского и двойное «да» адресовано европейцам – тем же, к кому Блок обращается всем стихотворением, тем, кого он зовет «на братский пир труда и мира». Это всё совершенно ясно и лежит на поверхности.

Однако представляется важным знать, кому именно отвечает самый значительный русский поэт XX века, кому он бросает это двойное «да»? Есть ли вообще у блоковского «да» конкретный адресат?

Стилистика блоковского ответа не оставляет сомнений в существовании такого адресата. Но если задаться вопросом: кто именно, когда и в связи с чем назвал (или называл) русских скифами? – ответ будет далеко не столь очевиден. Между тем Блок отвечает не просто культурной традиции и не абстрактному «среднему европейцу» – его поэтическое и полемическое утверждение явно адресовано тому, кто в XIX веке отождествил в актуальном историческом контексте русских со скифами.

Согласно основной версии, которой придерживаются немногочисленные исследователи русского «скифства» (Бобринская [1], Дьякова [2], Белоус [3]), родоначальником «скифской» темы в русской литературе является А.И. Герцен. В этом, собственно, исследователи повторяют версию главного идеолога «скифства» 10–20-х гг. Р. В. Иванова-Разумника, который был также историком русской общественной мысли и одним из первых начал научное изучение герценовского наследия (невозможное официально до 1905 г.)

Для Иванова-Разумника «скифство» было обозначением идеологического концепта, возникшего в результате его личного мифотворчества, что было типично для символистской и околосимволистской культуры. О начальном периоде этого мифотворчества свидетельствует литературный псевдоним «Скиф», который был впервые использован Ивановым-Разумником весной 1912 г. в журнале «Человек и культура» и газете «Мысль». Будущих «скифов», как указывает Я. В. Леонтьев, автор последней (а фактически и единственной в России) научной монографии о русском «скифстве» (преимущественно посвященной политическому выражению «скифства» – партии левых эсеров), Иванов-Разумник попытался объединить в виде литературного содружества уже в начале 1910-х гг. – в журнале левонароднического направления [4, с. 161–162]. Очевидно, что идея «скифства» возникает у Разумника в непосредственной связи с изучением им герценовского наследия: об этом говорят и столетний юбилей Герцена, широко отмечавшийся как раз в 1912 г., и ряд публикаций Разумника и других авторов (включая В.И. Ленина с его известной статьей «Памяти Герцена»), приуроченных к этому юбилею, и

сам псевдоним, восходящий к герценовской фразе из «Былого и дум» гл. ХLI, которую Иванов-Разумник цитирует в статье «Скиф сороковых годов»: «Я, как настоящий скиф, с радостью вижу, как разваливается старый мир, и думаю, что наше призвание – возвещать ему его близкую кончину» [5, с. 192].

Прежде всего, герценовский скиф здесь – метафора социалиста, революционера и синоним варвара, наблюдающего со стороны, как европейская цивилизация разрушается изнутри, чтобы в нужный момент «добить» и на её руинах основать новый мир. Именно таким изобразил Скифа художник Петров-Водкин на иллюстрациях к двум выпускам альманаха «Скифы», которые выйдут уже в революционный год.

Но, кроме того, скиф – это и синоним русского вообще, точнее, русского за границей. Ведь Герцен именует себя «скифом», обращаясь к французскому социальному мыслителю Прудону, и тем самым, по-видимому, апеллирует к ясному для француза контексту, в котором «скиф» – возможное обозначение русских. Таким образом, точная вербализация метафоры «скиф» у Герцена означала бы «русский социалист» или «русский революционер». Характерно, что Маркс, критикуя «русский социализм» Герцена в 1-м издании «Капитала», иронически описывает его как «скифство» или даже «евразийство», считая его верой «в обновление Европы посредством кнута и насильственного смешения европейской и калмыцкой крови» [6, с. 57]. Нельзя не признать в этой иронической, но очень точной реплике Маркса идею будущих «Скифов» Блока. Ведь именно такой контекст «скифства» и будет столь дорог впоследствии и Иванову-Разумнику, и Блоку.

Метафора «скифа», таким образом, уже у Герцена приобретает обертона «угрозы с Востока», которая получит затем у Вл. Соловьева «ласкающее слух» имя «панмонголизм», а у Блока уже окончательно сплавится в мифе: его скифы – с монгольскими «раскосыми и жадными очами».

Именно антизападнически заострённое «скифство» с подачи А. Блока и Иванова-Разумника у кн. Н. С. Трубецкого в 1920 г. получает название «евразийства», становясь заметным течением русской мысли в XX столетии. Однако рамки нашего исследования требуют оставить в стороне «евразийский» вектор скифства (довольно интенсивно разрабатываемый и изучаемый в последнее время).

Таким образом, Блок ведёт диалог о русских скифах не только с Герценом и Ивановым-Разумником и даже не только с Марксом или Прудоном. Отождествляя русских со скифами,

он следует традиции, имеющей многовековую предысторию. Некоторые этапы становления этой традиции и будут прослежены в настоящей статье.

«Скифская война»

Любая идентификация (а в случае со «скифством» мы имеем дело именно с попыткой установления идентичности) требует точки зрения другого. Как и многое в русской культуре, «скифство» обязано своим происхождением внешнему взгляду европейца. Чтобы русские могли увидеть в себе скифов, кто-то должен был увидеть их «скифами» со стороны и соответственно назвать. Конечно, о скифах писал ещё Геродот, но античные представления должны были актуализироваться и быть сфокусированными вновь. Разумеется, эта актуализация «скифского» сюжета произошла благодаря популяризации текста Геродота в эпоху Просвещения. Спор о связях скифов и славян шёл на протяжении всего XVIII столетия, и в нем принимали участие как немецкие придворные историки, так и Ломоносов и Тредиаковский. Но это был спор вокруг греческого первоисточника, а первый русский перевод 4-й книги истории Геродота, содержащий его знаменитый «скифский рассказ», был осуществлён, что характерно, лишь в 1819 г. [7, с. 7], и, несомненно, это было сделано как раз в связи с актуализацией **скифского сюжета**, которая началась в год рождения А. И. Герцена (1812) и была связана с Отечественной войной.

Судя по всему, человеком, который увидел и как бы вновь «узнал» в русских скифов, был «романтический император» Наполеон Бонапарт. В изложении Е. В. Тарле это произошло следующим образом: «Наполеон, когда ему доложили о первых пожарах, не обратил на них особенного внимания, но когда 17 сентября утром он обошёл Кремль и из окон дворца, куда бы ни посмотрел, видел бушующий огненный океан, то, по показаниям графа Сегюра, доктора Метивье и целого ряда других свидетелей, император побледнел и долго молча смотрел на пожар, а потом произнес: «Какое страшное зрелище! Это они сами поджигают... Какая решимость! Какие люди! Это – скифы!» [8, с. 274]

Таким образом, узнавание состоялось, слово было произнесено, и новый романтический миф о «русских скифах» начал действовать в истории. Нельзя не отметить символику, сопровождавшую новое рождение мифа: московские пожары, горящие оставленные дома, Кремль в кольце бушующего пламени. Вероятно, Наполеон в эту минуту вспомнил рассказ Геродота о

войне Дария со скифами, которые заманивали его в глубь своей страны, уклоняясь от решительного боя и применяя тактику «выжженной земли»: «Скифы решили не вступать в открытое сражение с персами... Скифы стали медленно отступать, угоняя скот, засыпая колодцы и источники и уничтожая траву на земле» [9, с. 199]. Как известно, жившие на повозках скифы легко снимались с места и уходили от любого врага в недоступные для него земли. Таким образом, Наполеон разгадал тактику «скифской войны» и предвидел её будущий ход (отступление из России по старой разоренной дороге и постоянные изнурительные столкновения с небольшими отрядами конных партизан).

Заметим, что партизанская война – это, в сущности, то же, что «скифская война» – термин, который появился вскоре после окончания войн с Наполеоном и который стали связывать с именем М. Б. Баркляя де Толли, представившего на утверждение императору Александру I свой оборонительный план военной кампании в марте 1810 г. Однако у самого Баркляя нет выражения «скифский план» войны, нет и других геродотовских аллюзий; это, по всей видимости, позднейшее изобретение историков войны 1812 г., переосмысливших слова Наполеона, произнесенные в виду московского пожара. По крайней мере, таково авторитетное суждение Тарле: «Не “скифский план” искусственного заманивания противника, а отход под давлением превосходных сил — вот что руководило действиями Баркляя в первые месяцы войны. О “скифском плане” стали говорить уже на досуге, когда не только война 1812 г. окончилась, но когда уже и войны 1813 — 1815 гг. давно отошли в область прошлого. Первым вспомнил о скифах сам Наполеон...» [10, с. 78]

Косвенное подтверждение того факта, что перво двигателем скифского сюжета был именно французский император, содержится в набросках Грибоедова к трагедии о 1812 годе, где Наполеон рассуждает о характере и достоинствах русского народа следующими словами: «Размышление о юном, первообразном сем народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов. Сам себе преданный, — что бы он мог произвести?» [11, с. 328] Русская культура вскоре воспользуется образом «скифа» для ответа на вопрошание Грибоедова о нравах «первообразного» народа. На это же вопрошание, по нашим предположениям, мог отвечать и Блок в своих «Скифах». В. Маркович, комментируя эту грибоедовскую запись, отмечает, что у него в означенный период (1822–24 гг.) «крепнет и окончательно оформляется мысль о «народности» (о «первообразном» духе нации) как о

плодотворной основе всех проявлений общественной жизни, как о решающем условии полноценного развития культуры» [12].

Иными словами, Грибоедов непосредственно связывал мысль о русской народности и рассуждения Наполеона.

Миф о «естественном народе». Романтические концепции «народности»

Е. Дьякова, характеризуя «скифство» начала XX в., отмечала, что «русоистско-толстовское» убеждение в нравственной чистоте и органической мудрости «естественного человека» претерпевало в 1910-е годы странную мутацию, переходило в любование силой и красотой «естественного народа» [2, с. 415].

Это утверждение содержит двойную неточность: во-первых, «естественный человек» и «естественный народ» всегда шли рука об руку, одно не было порождением другого. А во-вторых, русское «скифство» не было кратковременной «мутацией» руссоизма или толстовства — как мы увидим дальше, оно подготавливалось целое столетие (отнюдь не только у Толстого, где это очевидно уже в «Казаках», но и у славянофилов, и у Герцена, и у «народников», и у Достоевского).

Миф о «естественном человеке» практически одновременен мифу о «естественном народе». Если происхождение первого традиционно связывают с Руссо и кругом его идей 40–60-х гг. XVIII в., то концепция «естественного народа» прослеживается уже в предромантической литературе, в частности в таком известном памятнике, как «Песни Оссиана» Макферсона (1762–1777). Макферсоновские бритты, начинающие длинный литературный ряд гордых и свободолюбивых шотландских горцев, — ближайшая и очевидная параллель «русским скифам». Именно в предромантизме возникает интерес к народной поэзии, фольклору, который и становится главным источником романтического мифа о «естественном народе» (отметим, что глубокий интерес к народной поэзии был свойственен всем «русским скифам» XX века, желавшим быть продолжателями традиции). Проф. В. И. Луков, автор уникальной монографии о предромантизме (в тезаурус которой странным образом не попали такие ключевые термины эпохи, как «народ» и «народность»), отмечает: «Именно предромантики открывают эстетическое богатство народного творчества, опровергают устоявшуюся мысль о «невежестве» народа, о «грубости» и «неэстетичности» его произведений» [13, с. 169]. Действительно, предромантики, стоящие ещё всецело на позициях Просве-

щения, – *открывают и опровергают* «предрассудки», а романтики уже *преклоняются* перед народной поэзией, культивируют её, постепенно перенося этот культ и на сам народ.

Начало же культа было положено трудами Ж.-Ж. Руссо («Об общественном договоре») и Г. Гердера («Идеи к философии истории»). Если первый, как уже отмечалось, ввёл понятие «естественного человека», то второй – идею «органического» существования народа и его особого «духа», т. е. собственно концепцию «естественного народа»: «В противовес просветительской идее государства Гердер выдвигает понятие «народа» как живого органического единства», – отмечают современные историки философии [14, с. 27]. «Когда впоследствии Иоганн Г. Фихте в «Речах о немецкой нации» (1808) увидел в национальном сообществе основную движущую силу истории и одновременно выдвинул концепцию «избранного народа», который на данном историческом этапе лучше других реализует универсальные ценности, путь к новой категории, каковой стала народность, а затем и для споров, какой народ лучше выражает смысл истории, был открыт» [15, с. 48–52], – пишет один из современных исследователей категории «народности» и «почвенничества» в русской культуре Анджей де Лазари. Он полагает, что первым термин *народность* использовал кн. П. Вяземский в письме Ал. Тургеневу из Варшавы 22 ноября 1819 г. В этом же году, напомним, вышел русский перевод скифского рассказа Геродота. Совпадение знаменательное. Кроме Вяземского, темой народности в России в этот период занимались О. Сомов, В. Кюхельбекер, Н. Полевой и многие другие. «Проблема народности оказывается в центре литературной борьбы первого десятилетия XIX в.» [16, с. 325], – отмечал Ю. М. Лотман.

Ю.М. Лотман, посвятивший данной теме ряд обстоятельных работ, первые отголоски предромантической концепции народности на русской почве находит уже у Радищева, хотя для последнего она и не становится определяющей и он со временем переходит к более созвучным ему идеям Гельвеция [16, с. 230–232]. Более полно и последовательно концепция народности отражается у «архаистов» начала XIX в.: А. С. Шишкова, Н. П. Гнедича, гр. Ф. Ростопчина, С. Н. Глинки. «Архаисты, – пишет Лотман, – сделали значительный шаг вперед в сторону идей романтического века, положив в основу своих рассуждений народ, нацию как некоторую автономную и замкнутую в себе субстанцию, не разложимую механически на отдельных индивидов, а являющуюся как бы индивидом высшего порядка» [16, с. 286–287].

Такое понимание народа затем будет уже развито «младоархаистами»: Грибоедовым, Катениным, Кюхельбекером и другими – вплоть до Пушкина. Именно у них, согласно Лотману, «утопический культ русской старины» соединяется «с культом Природы» [16, с. 208]. Свою позицию они полемически противопоставляют «карамзинизму» – культу всего изящного и цивилизованно-утонченного. Именно в полемике с «карамзинизмом» у Грибоедова впервые встречается специфическое употребление слова «хищник»: «Хищник в руссоистском контексте Грибоедова (как и у Пушкина в «Кавказском пленнике»: «...хищник возопил») – оценка положительная, синоним дикого и свободного человека. В письме В. Кюхельбекеру от 27 ноября 1825 г. Грибоедов именует «хищников» «вольным, благородным народом». Ещё характернее сказано в письме к С. Бегичеву от 7 ноября 1825 г.: «Борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением» [16, с. 208–209]. Метафорический эпитет «барабанный» здесь, что очевидно, характеризует европейскую цивилизацию (и, значит, Петровскую империю как ее часть), противоположным же полюсом этой регулярной «стесняющей» государственности оказывается свобода, которую Грибоедов готов увидеть в кавказских горах (аналогия с шотландскими для современного исследователя здесь также очевидна).

Но в означенный период собственно «скифскую» тему вычленить ещё очень сложно. Она присутствует в «Истории» Карамзина лишь как стилизованный пересказ Геродота; ее нет ни у Жуковского, ни у «младоархаистов», ни у раннихлюбомудров, ни в историософской поэзии Хомякова; невозможно увидеть ее и в романтических поэмах Рыльева, вроде «Войнаровского» (хотя здесь сюжет вроде бы предоставляет такую возможность). Скифский сюжет впервые воплощается в так называемом номадизме.

«Скифство» и «номадизм». Скифы и цыгане

Противопоставление застывшей оседлой цивилизации – «диких кочевников», или «номадов», – другой пример романтической мифологизации (не столь конфронтационный с государственной политикой как в случае с горами). Здесь нужно отметить, что вообще русское «скифство» отнюдь не тождественно «номадизму» (такое отождествление явно или скрыто присутствует в ряде работ. Так, завершение скифского сюжета в 20-е годы названо одним из исследователей «финалом 'номадической' темы» [17, с. 207–214]). Оно, несомненно, одно из

ярких проявлений упомянутой «номадической» темы, но сама эта тема шире, и феномен «скифства» будет неясен в полной мере без её освещения.

Появление «номадического» текста русской литературы, что не удивительно в свете вышеизложенного, практически синхронно с зарождением скифского сюжета и начинается с Пушкина и Гоголя – с «Цыган» и «Тараса Бульбы» и их последующей критической интерпретации в статьях В. Г. Белинского и Ап. Григорьева.

Первый настоящий полноценно «скифский» текст русской литературы – «Цыганы». Цыгане с легкой руки Пушкина стали надолго идеальной проекцией романтических представлений об общности, народе, племени. Они стали как бы живым историческим воплощением, живой метафорой «скифства» (т. е. своего рода мета-метафорой) в русской культуре второй половины XIX–первой половины XX в. Накладываясь на образ цыган исторических, этот миф породил мощный культурный резонанс: от Пушкина к Островскому, Ап. Григорьеву, Л. Толстому, Чехову и Лескову. В культуре Серебряного века (Горький, Куприн, Блок и др.), пожалуй, цыганская тема стала настолько самодовлеющей, что можно говорить о «латентном» существовании «скифства» в ее рамках. Но настоящее скифство, конечно, несводимо к «цыганщине», т. е., в сущности, одному из видов «номадизма».

В поэме «Цыганы» интересно столкновение нового «романтического» скифа, бегущего от цивилизации, со скифами «настоящими». Ю. М. Лотман и З. Г. Минц отмечали нетрадиционный разворот романтической темы у Пушкина, когда «активная личность» не противопоставлена «толпе»: «Именно яркость, гениальность, внутреннее богатство или даже колоссальное преступление выделяли романтического героя, делая его непохожим на "людей", "толпу", "народ", "чернь". У Пушкина уже с "Кавказского пленника" намечается принципиально иное противопоставление: герой, преждевременно состарившийся духом, и яркий, активный народ. Народ в "Цыганах" – не безликая масса, а общество людей, исполненных жизни, погруженных в искусство, великодушных, пламенно любящих, далеких от мертвенной упорядоченности бюрократического общества. Яркость индивидуальности не противопоставляется народу – это свойство каждой из составляющих его единиц. **При таком наполнении самого понятия "народ" цыгане становятся не этнографической экзотикой, а наиболее полным выражением самой сущности народа.** Не случайно народность воспринимается Пушкиным в эти годы, в частности, как страстность, способность к полноте сердечной жизни» [18, с. 608].

Пушкин в своей эволюции стремительно прошёл всю романтическую тему, включающую и «скифство». Уже финал «Цыган» показывает иную перспективу: это точка зрения дворянского просвещенного консерватизма, к которой Пушкин приходит в середине 20-х гг., в конце концов в прозе «умалая» себя до Белкина (выражение Ап. Григорьева).

Скифы и казаки

Другую идеальную проекцию представлений о народности XVIII–XIX вв. в историческое прошлое сделал Гоголь в «Тарасе Бульбе», создав романтический миф о казаках – прямых наследниках исторических скифов. Гоголевские казаки – это настоящие «хищники» (в терминологии Грибоедова), но русские и православные; это архаический мужской военный союз, открыто противостоящий «куртуазно-мещанской» европейской цивилизации, представленной панской Польшей. Гоголевские казаки – как бы носители иного христианства, которое порождает не торгово-мещанскую цивилизацию, основанную на страхе смерти, но особую рыцарскую культуру и готовность в любой момент к жертве. При этом казаки ещё и борются за свою свободу. То есть можно сказать, что казаки у Гоголя – носители раннего, «дикого», первобытного христианства, несомненно революционного по отношению к буржуазному миропорядку, да и с империей их может примирить разве что фигура почитаемого ими православного царя. При этом историческая петербургская империя, претендующая на роль европейской державы, как известно, боролась с казачеством, постоянно ограничивая его в правах, вплоть до ликвидации запорожского казачества указом Екатерины Второй.

«Само появление "цыганской" (как и "казачьей". – И.Б.) темы было связано с возникновением интереса к народу, литературному изображению народного характера, с тем специфическим пониманием природы человека и народа, которое зародилось в XVIII в. Однако оформиться эта тема смогла лишь в начале XIX в., когда стало возникать представление о мире собственности как не меньшем носителе зла, чем мир бюрократического гнета. Именно тогда возник герой-номад, цыган, бродяга, погруженный, вместо имущественных забот, в поэзию, музыку, искусство. Подлинный народ в своих высших потенциях – "племя, поющее и пляшущее". Не случайно рядом с "цыганской темой" возникает образ народа, живущего в краю песен – "стране искусства". Так возникает сначала гоголевская Украина, затем гоголевская

Италия, а позже – тема Италии в русской литературе, которая дойдет до Горького и Блока как своеобразный двойник "цыганской темы". По сути дела, и казаки в "Тарасе Бульбе" – номады, которые отrekliсь от мира семейственного, имущественного и предались "товариществу", войне и веселью» [18, с. 610–611].

Таким образом, «Цыганы» и «Тарас Бульба» возникают на почве романтических концепций «народности», которые восходят к произведениям декабристов и спорам 10-х гг., являясь своеобразным отражением общеевропейской дискуссии о нациях и «народности» эпохи Просвещения и предромантизма. Раннее революционное христианство (у Герцена), казаки (у Гоголя), цыгане и бегущие от мещанства цивилизации, странствующие «лишние люди» (у Пушкина и Лермонтова) – как бы «духовные скифы» – вот тот материал, из которого возникает уже собственно скифский сюжет. «Скифство» в этой перспективе видится «нервом» русской литературы, одной из главных её движущих пружин.

Реплика Блока из стихотворения «Скифы», таким образом, может быть ответом – через головы великих предшественников – собственно Наполеону как символу Запада и автору «скифской» метафоры. Однако этот историософский диалог был бы невозможен, если бы не столетие развития скифского сюжета, в котором свои «метки» оставили Радищев, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Герцен, Ап. Григорьев, Достоевский... И это только фигуры «первого ряда».

Список литературы

1. Бобринская Е. Скифство в русской культуре начала XX века и скифская тема у русских футуристов // Искусствознание. 1998. № 1. С. 445–467.

2. Дьякова Е. А. Христианство и революция в мирозерцании «скифов» (1917–1919 гг.). // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1991. № 50. С. 414–425.

3. Белоус В. Г. «Скифское», или Трагедия «мировоззрительного отношения» к действительности // Звезда. 1991. № 10. С. 158–166.

4. Леонтьев Я. В. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО-XXI, 2007. 328 с.

5. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Былое и думы. Часть V. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. X. 536 с.

6. Иванов-Разумник Р. И. А. И. Герцен: Сб. ст. Петроград: Колос, 1920. 187 с.

7. Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1982. 240 с.

8. Тарле Е. В. Наполеон. М.: Наука, 1991. 462 с.

9. Геродот. История. СПб.: Амфора, 1999. 412 с.

10. Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 382 с.

11. Грибоедов А. С. Сочинения в стихах. Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1967, 520 с.

12. Маркович В. М. Русские писатели XI — начала XX века: Биобиблиографический словарь. 1995. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/griboed/encyclor/rus_pi95.htm (дата обращения 21.01.2010).

13. Луков Вл. А. Предромантизм. М.: Наука, 2006. 682 с.

14. Реале, Антисери. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. СПб, ТОО ТК «Петрополис», 1997. 880 с.

15. Лазари Анджей де. В кругу Фёдора Достоевского. Почвенничество. М.: Наука, 2004. 207 с.

16. Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958 – 1993). С. Петербург: Искусство – СПб, 1997. 848 с.

17. Корецкая И. В. Финал «номадической» темы // Проблемы современной филологии: Сб. ст. к шестидесятилетию творческой деятельности академика Николая Ивановича Балашова. М.: Наука, 2002. 705 с.

18. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. С-Петербург: Искусство – СПб, 1996. 846 с.

“SCYTHIAN PLOT” IN RUSSIAN CULTURE

I. L. Brazhnikov

The author considers the “Scythian plot” of Russian culture as an independent and even mainstream one. In some contexts, “Scythian” is synonymous with “Russian” in general. The Scythians and their cultural variants - Gypsies and Cossacks - are the most complete expression of the very essence of the Russian people rather than ethnographic exotica.

Keywords: Scythians, Scythian plot, “natural people”, nationality, nomadism, historiography.